

АЛЛА МАКАРЕНЦЕВА

Семья и рождение детей в жизненном пути старообрядцев

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-4-139-162>

Alla Makarentseva

Family and Childbearing in the Life Course of the Old Believers

Alla Makarentseva — RANEPА (Moscow, Russia). makarentseva-ao@ranepa.ru

The article begins with an examination of the theoretical relationship between religion and fertility in the frame of modernization. The development of concepts of reproductive behavior is presented in line with general social theories. Religiosity in the modern world, on the one hand, acts as one of the factors of reproductive behavior, and, on the other hand, affects social behavior in a broader sense, affecting the life choices in a variety of available alternatives. The author develops a methodology of analyzing the relationship between fertility and religion in a situation when the concept of religiosity becomes very vague. The empirical part of the work is based on a series of in-depth interviews with lay followers of the Russian Orthodox Old Believer Church, as well as expert interviews with clergymen of this denomination. The Old Believers' ethos combines elements of modernity (they are residents of large cities with the respective lifestyle) and the traditional attitudes in compliance with religious prescriptions. The author correlates the vision of the Old Believers of their life path with its modern scenarios. The question is to what extent informants preserve and implement the prescribed norm of having several children, what is the role of religion and community in this attitude. It shows how the Old Believers solve a typically modern puzzle of finding a balance between parenthood and other life roles. The article explores the transformation of the traditional family norms among the laity and clergy under the influence of external normative ideas.

Keywords: fertility, religiosity, reproductive behavior, Old Believers, family.

Работа выполнена в рамках Государственного задания ИнСАП РАНХиГС на 2022 год.

РОССИЯ, как и подавляющее большинство стран мира, относится к обществам с постпереходной рождаемостью¹. Прежде всего это означает использование контроля над рождаемостью «по умолчанию». Из этого вытекают такие характеристики репродуктивного поведения, как относительно низкая рождаемость, откладывание деторождения, рост бездетности, большая роль экономических факторов при принятии решений о времени рождения ребенка и так далее. Однако модернизированное общество с его сложными социальными структурами предполагает сосуществование разных моделей поведения, в частности разных репродуктивных моделей. В настоящей работе исследуется рождаемость в современном сообществе, в котором, тем не менее, можно ожидать сохранения «старых», традиционных характеристик рождаемости.

Рождаемость в обществах, где ее контроль не был распространен, характеризовалась отсутствием или низким уровнем регулирования рождений. Рождение первого ребенка было календарно привязано к созданию семьи (вступлению в брак), сроки появления детей и их число не регулировались и, что не менее важно, не соотносились с иными событиями жизненного пути индивида. В целях изучения многообразия современных моделей репродуктивного поведения интересно исследовать сохранение в российском обществе архаичных элементов рождаемости, причем среди населения с модернизированным образом жизни — городского и высокообразованного. С этой целью автор обращается к исследованию репродуктивного поведения в конкретной социальной группе — в религиозных семьях российских старообрядцев. Предполагается, что религиозность будет тем признаком, который объединяет данную группу населения.

Статья начинается с рассмотрения влияния религии на рождаемость через призму процессов модернизации общества. Далее автор останавливается на вопросах измеримости религиозности и верификации фактора религии в социально-демографических исследованиях. Эмпирическая часть исследования выполнена качественными методами. Она основана на серии глубоких интервью с верующими старообрядцами.

1. Balbo, N., Billari, F. C., Mills, M. (2013) "Fertility in Advanced Societies: A Review of Research", *European Journal of Population* 29(1): 1–38.

Модернизация и религия. Модернизация и рождаемость

Религия и рождаемость связаны как непосредственно, так и опосредованно — через глобальные процессы модернизации общества. Теории модернизации основаны на идее о том, что научно-технический и экономический прогресс приводит к глобальным изменениям ценностей в обществе и сказывается на развитии всех его сфер². В частности, по мнению Р. Инглхарта, модернизация приводит к культурным изменениям, следствием которых является сокращение и религиозности населения, и рождаемости.

В процессе секуляризации социальная значимость религии ослабела, однако не утратилась. Вместе с тем, во-первых, разные конфессии адаптировались к ней по-разному, и уровень религиозности в отдельных группах оставался достаточно высоким даже в условиях их включения в модернизированное, светское общество. А во-вторых, нарастание как новых религиозных течений, так и фундаментализма заставили говорить о процессах десекуляризации³. Новейший прогресс в технологиях и погружение в цифровую среду, изменение социальных структур общества и экономического уклада жизни продолжают менять традиционные формы религии. Меняются религиозные практики, само религиозное мышление и роль института церкви в формировании социального порядка. Социология религии говорит о множественности религиозности в современном обществе, выделяя концепции «веры без церковной принадлежности», «диффузной религии», имплицитной религии, «неопределенной религиозности» и т. д.⁴ Модернизированное религиозное сознание не признает необходимости соблюдения религиозных практик. Этот процесс «внутренней секуляризации»⁵ оказался неизбежным и для тради-

2. *Инглехарт, Р., Вельцель, К.* Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое изд-во, 2011.
3. *Узланер Д. А.* Становление неоклассической модели секуляризации в западной социологии религии второй половины XX в. // Религиоведение. 2008. № 2(30). С. 135–149.
4. *Руткевич Е. Д.* Западная социология о религии в современном мире // Социология религии в обществе Позднего Модерна: сборник статей по материалам Пятой Юбилейной Международной научной конференции. НИУ «БелГУ», 25–26 сентября 2015 г. / отв. ред. С. Д. Лебедев. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2015. С. 110–116.
5. «Процесс внутреннего разложения религии при внешнем благополучии», по: *Узланер Д. А.* Становление неоклассической модели секуляризации в западной социологии религии второй половины XX в.

ционных религий, которые утратили свою роль в повседневной жизни общества. Применительно к нашему исследованию эти явления поднимают вопросы о том, как религиозность меняет свое влияние на репродуктивное поведение в условиях секуляризации. Кроме того, они актуализируют и без того непростые вопросы измеримости религиозности в социологических и демографических исследованиях.

Наиболее авторитетный теоретический подход к модернизации рождаемости представлен теориями демографического перехода⁶. Они, помимо прочего, постулируют снижение рождаемости и ее конвергенцию (выражающуюся в схождении базовых показателей, например, среднего числа рожденных детей) между различными обществами. Однако при этом «важно не то, сколько детей в среднем рождает женщина, а то, насколько число рожденных ею детей и время их рождения суть результат ее (или обоих супругов) сознательно принятого решения»⁷. Другими словами, деторождение рассматривается как результат взаимодействия контроля над рождаемостью и желания иметь детей.

Модернизационные теории репродуктивного поведения опираются на рациональный выбор, который «позволяет гибко ориентироваться в бесконечном многообразии возникающих и быстро меняющихся ситуаций, предвидеть их неповторимые последствия и учитывать их при принятии решений, всякий раз индивидуальных»⁸. Вместе с тем непрерывно меняющийся мир предоставляет не только многообразие возможностей, но и постоянно ставит индивида в ситуации высокой неопределенности⁹. И то и другое усложняет процесс принятия решения о рождении ребенка. Многодетность в этих условиях можно интерпретировать как выбор, «несвоевременный для общества, в котором традиционная и ценностно-рациональная мотивация рождения

6. Caldwell, J. C. (1976) "Toward a Restatement of Demographic Transition Theory", *Population and Development Review* 2(3/4): 321–366; Lesthaeghe, R. (2010) "The Unfolding Story of the Second Demographic Transition", *Population Research and Policy Review* 3(44): 232–261.

7. Вишневецкий А. Г. Это ключ от другого замка // *Общественные науки и современность*. 2005. № 2. С. 150–155.

8. Вишневецкий А. Г. Незавершенная демографическая модернизация в России // *Журнал SPERO*. 2009. № 10. С. 55–82.

9. Иногда это острые и глобальные ситуации неопределенности как, например, в период пандемии COVID-19.

детей сменилась целерациональной»¹⁰. Другими словами, под таким углом зрения многодетность предстает как не вполне рациональная альтернатива в ряду разнообразных жизненных траекторий.

В современной демографии репродуктивное поведение человека предстает как последовательность решений: о рождении ребенка или об отказе от него в каждый момент времени. Однако порой оно скорее становится последовательностью откладывания принятия решения в силу затруднений в совершении выбора из-за возросшего множества доступных жизненных альтернатив.

Рациональные теории рождаемости (Г. Беккера, Р. Истерлина) оставляют вне своего поля ее ценностные детерминанты, сводя их роль к «психологическим выгодам от рождения ребенка». В концепциях ценностных детерминант рождаемости (Р. Инглхарта, А. Антонова и др.) установки на деторождение постулируются как ценность, но не объясняются.

Религиозность тесно связана с ценностной подоплекой рождаемости. В отличие от факторов, связанных с модернизацией, религиозность положительно влияет на решение о рождении ребенка, а не на отказ от него. Кроме того, она способна быть инструментом снижения неопределенности за счет сужения числа жизненных альтернатив. Рождение и воспитание нескольких детей может рассматриваться в контексте религиозных практик (по крайней мере, в консервативных группах, принадлежащих к авраамическим традициям) как то, что связано с сутью религиозного учения¹¹. Другими словами, рождение детей может выступать атрибутом религиозного сознания.

В целом, модернизация привела к снижению религиозности среди населения и к снижению рождаемости. Одновременно под влиянием модернизации все формы социального поведения усложнились и стали более разнообразными (в том числе религиозное и репродуктивное поведение). Это разнообразие может включать в себя и устойчивое присутствие элементов традиционного поведения.

10. Павлюткин И.В., Голева М.А. Как создаются семьи с большим числом детей: типы жизненных переходов родителей // Социологические исследования. 2020. Т. 7. № 7. С. 106–117.

11. Карпов В. Концептуальные основы теории десекуляризации // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2(30). С. 114–164.

Верификация религиозного фактора в объяснении рождаемости

Непосредственная связь религии и рождаемости подробно исследовалась в исторической перспективе, преимущественно в отношении к первому демографическому переходу. В его рамках произошло глобальное снижение рождаемости, и шел он на фоне перехода от традиционного общества к обществу модерна и процессов секуляризации¹².

Пласт эмпирических исследований влияния религии на рождаемость весьма обширен, поэтому фокус нашего внимания ограничен работами, оценивающими влияние только христианских религий и только для постпереходной рождаемости. Нас интересуют не столько конкретные количественные результаты исследований, сколько взаимодействие фактора индивидуальной религиозности с другими факторами, а также подходы к ее измерению.

Классические работы второй половины XX в. отражали социальную структуру того времени и оценивали различия в рождаемости между разными религиозными группами, например, между католиками и протестантами, католиками и лютеранами¹³. В настоящий момент фокус интереса сместился к выявлению различий между верующими и неверующими.

Во-первых, влияние религии на рождаемость изначально рассматривалось сквозь призму соблюдения религиозных практик, непосредственно воздействующих на брачно-репродуктивное поведение (следование доктринам церкви в отношении абортов, контрацепции, разводов и внебрачных зачатий¹⁴). Однако этот подход не до конца объяснял дифференциальную рождаемость разных религиозных групп. В современном мире распространение получила религиозность, не подкрепленная соблюдением соответствующих практик, и не до конца ясно, в какой мере она тогда может оказывать влияние на поведение человека. Во-вторых,

12. Забаев И. В. и др. Семья и деторождение в России: категории родительского сознания. М.: ПСТГУ, 2012.

13. Compton, P. A. (1976) "Religious Affiliation and Demographic Variability in Northern Ireland", *Transactions of the Institute of British Geographers, New Series* 1: 433–452; McQuillan, K. (1999) *Culture, Religion and Demographic Behavior: Catholics and Lutherans in Alsace, 1750–1870*. Montreal and Kingston: McGill-Queen's University Press.

14. Goldscheider, C. (1971) *Population, Modernization, and Social Structure*. Boston: Little, Brown and Company.

было показано, что принадлежность к той или иной деноминации может выступать маркером социального класса. Другими словами, фактор религии тесно взаимодействует с переменными образования, дохода, занятости¹⁵. Однако включение контроля на эти переменные не нивелировало значимость религиозных детерминант рождаемости. Из обоих подходов следует, что по мере сближения религиозного населения с нерелигиозным (в социальном смысле и в смысле соблюдения практик) влияние фактора принадлежности к религиозной группе должно ослабевать.

К. МакКвиллан к религиозным детерминантам рождаемости относил разделение гендерных задач между мужчинами и женщинами¹⁶. Ограничения на возможные для женщин социальные роли встречаются в большинстве религиозных сообществ. В связи с этим изучение связи «религиозность — экономическая зависимость женщин — рождаемость» остается актуальным до сих пор.

В целом исследования показывают, что учение церкви в отношении семьи и деторождения само по себе не приводит к устойчиво высокой рождаемости у последователей. Оно дополняется широким спектром социально-экономических и иных факторов, взаимодействуя с которыми религиозные ценности формируют тот или иной эффект на реальную рождаемость.

Есть разные модели измерения религиозности в социологии (Ф. Хюгеля, Дж. Пратта, Ч. Глока и др.). Ч. Глок предложил «модель религии 5 измерений»: идеологическое (самоопределение как верующего), ритуальное (посещение церкви), интеллектуальное (изучение религии), основанное на проживании религиозного опыта (исполнение молитв, восприятие духовности) и на следовании христианским моральным нормам¹⁷. К модификации этой методики можно отнести модель В. Чесноковой и ее индекс воцерковленности¹⁸. Однако более 80% исследований роли религии в семейной жизни в 1980-е и 1990-е гг. опирались всего на один или два параметра для оценки религиозности, самый распространенный из которых — частота посещения церковных

15. Ibid.

16. McQuillan, K. *Culture, Religion and Demographic Behavior: Catholics and Lutherans in Alsace, 1750–1870*.

17. Glock, C. Y. (1962) “On the Study of Religious Commitment”, *Religious Education Research Supplement* 42: 98–110.

18. Чеснокова В. Ф. Воцерковленность. Феномен и способы его изучения // Десять лет социологических наблюдений. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. С. 112–145.

служб¹⁹. Несмотря на низкое качество измерения религиозности индивида, она стала статистически значимым фактором в множестве исследований.

На наш взгляд, упрощение измерительных процедур в массовых количественных опросах означает существенные ограничения для исследователя. Роль религии сводится к скромному месту «независимой переменной» в эконометрических моделях объяснения параметров рождаемости. При этом предполагается высокая однородность между индивидами с одним и тем же значением данной переменной, и это также является сильным допущением. При использовании подобной методологии сила фактора религиозности может недооцениваться. Кроме того, в классический демографический анализ невозможно включить неколичественные показатели, которые могут достаточно глубоко дополнять модели репродуктивного поведения. Прежде всего, речь идет о мотивах деторождения²⁰.

Методология исследования

Имея опыт включения религиозного фактора в количественные модели рождаемости²¹, в настоящей работе автор обращается к качественному исследованию.

На первом этапе была определена выборка респондентов. Она была ограничена следующими критериями: жители средних и крупных городов, представители Русской Православной старообрядческой Церкви, имеющие не менее 3 детей и не вышедшие из репродуктивного возраста.

Решение остановиться только на средних и крупных городах было связано с желанием исключить сельский образ жизни как самостоятельный фактор репродуктивного поведения. Вместе с тем представлялось важным охватить несколько городов России, с тем чтобы исследовать семьи в разной социально-экономической среде. В связи с этим были выделены квоты: 1) столи-

19. Цит. по Marks, L. (2006) "Religion and Family Relational Health: An Overview and Conceptual Model", *Journal of Religion and Health* 45: 603–618.

20. О проблемах их измерения в количественных опросах см. *Забавев И.В. и др.* Семья и деторождение в России: категории родительского сознания. М. ПСТГУ. 2012.

21. *Синявская О.В., Тындик А.О., Головляницина Е.Б.* В каких семьях рождаются дети? Факторы репродуктивного поведения в России // Семья в центре социально-демографической политики / Под ред. О.В. Синявской. М.: НИСП. 2009. С. 19–46.

ца; 2) средние города в ЦФО; 3) крупные города в других регионах России. Выбор конкретных городов был обусловлен успешностью поиска в них общин старообрядцев и контактов потенциальных респондентов. В целом, исследование было запланировано на достаточно гомогенной выборке.

Выбор христианской конфессии в пользу старообрядчества был обусловлен несколькими мотивами. Во-первых, это именно та «специфическая общественная формация», которая «имеет все черты современности, но объединяет их в себе с сильным влиянием особых культурных предпосылок, традиций и исторического опыта»²². Старообрядчество представляет собой устойчивое религиозное сообщество, исповедующее традиционную религию и отводящее ей традиционное место в социальном порядке. Во-вторых, в целях исследования были интересны респонденты, которые могут быть однозначно определены как воцерковленные.

Старообрядцы в современной России не представляют собой единого сообщества. За время, прошедшее с церковного раскола в 1660-х гг., они разделились на два основных направления: поповцы и беспоповцы²³. В настоящей статье мы опираемся на интервью с представителями наиболее многочисленной «поповской» иерархии — Русской Православной старообрядческой Церкви²⁴ (далее — РПСЦ).

Одна из гипотез на входе в полевой этап работы состояла в том, что родительская семья и религиозная социализация в раннем возрасте респондента влияют на его последующее репродуктивное поведение. В связи с этим были сформированы две принципиальные квоты: 1) потомственные старообрядцы, 2) новопришедшие. Под новопришедшими мы подразумеваем тех, кто принял крещение в РПСЦ самостоятельно во взрослом возрасте, либо крещенные в детстве, но не имевшие никакой религиозной социализации до самостоятельного воцерковления.

Личная тематика интервью вместе с некоторой закрытостью исследуемого сообщества определила метод поиска респондентов. Он осуществлялся «снежным комом». Первичным инфор-

22. Цит. Ш. Эйзенштадт по: Узланер Д.А. Становление неоклассической модели секуляризации в западной социологии религии второй половины XX в.

23. Кожурин К. Культура русского старообрядчества XVII–XX вв. Издание третье, дополненное. Litres, 2017.

24. По оценкам исследователей, РПСЦ насчитывает около миллиона последователей в границах бывшего Советского Союза. Урушев Д.А. Наследники Аввакума // Мир музея. 2020. № 11. С. 42–43.

мантом выступал 1 человек, имеющий обширную сеть знакомств в среде старообрядцев из разных регионов России. Через него были найдены вторичные информанты — 2 священнослужителя и представители нескольких общин. Поиск респондентов шел через личные знакомства информантов, а также в онлайн-чатах общин (объявление размещали информанты). В Приложении 1 дано «вступительное слово», используемое при первичном контакте для рекрутмента в устной форме и в рассылке в чатах. При получении согласия на участие контакты передавались автору исследования, которая в дальнейшем выступала интервьюером. При устном рекрутменте почти все контакты заканчивались согласием. С одним потенциальным респондентом не удалось найти время для интервью из-за его высокой занятости; в другом случае женщина не заинтересовалась интервью, вместо нее интервью было проведено с ее мужем. Еще в одном случае интервью проводилось с обоими супругами. После рассылки по онлайн-чатам общин на связь с автором исследования вышли 4 респондентки, интервью с каждой из них состоялось. Рекрутмент продолжался все время полевого исследования и был прекращен, когда из каждой намеченной к исследованию группы был опрошен хотя бы один представитель, а ход новых бесед воспроизводил типичные случаи, обнаруженные в уже собранных интервью. Всего в исследовании участие приняли 12 респондентов. В их числе 2 священнослужителя и 10 прихожан; среди прихожан было опрошено 8 женщин и 2 мужчины. Интервью с респондентами из московского региона проводились лично (дома у респондентов или в кафе), из других регионов — удаленно.

Вначале были проведены интервью со священнослужителями, которые были необходимы для погружения в контекст повседневных практик семей старообрядцев, уточнения первоначальных гипотез интервью и круга исследуемых вопросов, а также для прояснения особенностей позиции РПСЦ по вопросам семьи и брака. Интервью с прихожанами состояло из нескольких блоков (см. Приложение 2), но проходило в свободной форме. В каждом интервью присутствовала биографическая часть (история формирования собственной семьи и рождения детей), а также часть, посвященная осмыслению деторождения и родительства на духовном уровне. Как и планировалось, всех респондентов-мирян можно отнести к религиозным в соответствии с типичными критериями религиозности, вместе с тем их вовлечение в практики варьируется: например, в выборку попали как те, кто стоят

на клиросе и регулярно посещают службы, так и те, кто посещают их относительно часто, но нерегулярно.

Нормативная модель семьи и брака

Старообрядцами нормативно принимается та модель семьи и брачных отношений, представления о которой в христианской церкви неизменны более полутора тысячи лет. Для задач нашего исследования важны следующие элементы этой модели: сексуальное воздержание до брака, отказ от всех видов контрацепции за исключением периодического воздержания (во время поста и еженедельных постных дней), запрет на разводы, распределение мужских и женских ролей в семье, авторитет мужа при принятии семейных решений.

Значит, это работающий муж. Жена, занимающаяся детьми. Детей столько, сколько пошлет Господь Бог... Чем раньше, тем лучше. Здесь критерий, почему стараются как бы раньше, чтобы не было блуда до свадьбы, да, соответственно, когда семья заводится, она для чего заводится, для того чтобы, в том числе, не только друг другу помогать и жить вместе, но и детей иметь (интервью со священнослужителем 1).

Отношение к планированию числа детей и сроков их появления на свет среди старообрядцев нормативно отрицательное. Во-первых, это обусловлено однозначно негативным отношением к контрацептивам и, тем более, к абортam: «нельзя пользоваться предохранительными средствами. А, соответственно, если ты не пользуешься предохранительными средствами, то здоровье-нездоровье — получилось, значит получилось. Никаких абортов быть не может» (интервью со священнослужителем 1). Во-вторых, планирование как таковое противоречит принципам поведения верующего человека:

Мы должны на Бога в первую очередь полагаться. Весь смысл-то вот этот. А не то что сколько, чем кормить там некоторые спрашивают. Вот родится еще. А чем кормить, во что одевать... Бог поможет. Раз мы идем все-таки по Его заповедям, молимся в церкви, соблюдаем посты. Мы имеем это упование, имеем надежду, что Господь нам поможет в таком деле-то... Поэтому верующий человек, он в первую очередь на это и рассчитывает (интервью со священнослужителем 1).

Соблюдение предписаний церкви в отношении брака и деторождения представляется неотъемлемой частью религиозного поведения:

«Вера без дел мертва», — сказано в Евангелии. ...я в душе верую и живу как все. А в чем тогда отличается? Что ты христианин или ты не христианин... А дела у нас вот реальные, конкретные, та же семья... многодетность — залог веры нашей. Мы просто на Бога уповаем и иначе поступить просто не можем. Невзирая на габариты квартиры, недостаток. Потому что понимаем, что если мы по-другому будем действовать, тогда цена нашей вере христианской?» (интервью со священнослужителем 2).

Реализация нормативной модели семьи среди современных старообрядцев

1. (Не)планирование числа детей и сроков их появления на свет

Ключевым вопросом в отношении фактического репродуктивного поведения верующих выступает следование предписанию церкви не контролировать появление детей на свет. Большинство наших респондентов действительно говорили о том, что они принципиально не планировали ни число детей, ни сроки их рождения.

Просто хотели быть друг с другом и это даже не обсуждалось, сколько мы будем рожать — не рожать. Естественно, сколько будет, столько и будем рожать... То есть это даже не обсуждалось, что мы можем что-то делать, чтобы не было детей. Нет. Подразумевалось, что семья — это мама, папа и дети... Да, дети — это главное, дети это, как сказать, основная составляющая, чтобы можно было называть — семья (интервью 2).

Ни один из респондентов не соотносил сроки появления детей с событиями жизненного пути в других сферах (образование, профессиональная занятость, приобретение жилья и т. д.):

Это просто, знаете, как какая-то программа в голове. То есть мне не приходилось рассуждать, взвешивать... В плане приоритет, что если ребенок, все остальное просто это вообще... шорох орехов. Какая-то, не то что дети на первом, а все остальное на втором. Дети

на первом, а все остальное на десятом-одиннадцатом, и так, и далее. Вот всегда была эта позиция (интервью 7).

Одна респондентка озвучивает типичные для современного общества вопросы конкуренции планов по рождению детей и по получению образования или построению карьеры, однако в ее случае это не стало причиной совершения какого-либо выбора, а ограничение числа детей она если и планировала, то на высоких порядках:

Когда я вышла замуж, мне только исполнилось 19. Я считала, что это рановато, я хотела делать карьеру... Перспективы на хорошее образование... Ну как получилось. Мы не исключали этого, мы с этим и не «боролась». Мы это приняли. Конечно, на третьем курсе родить ребенка — это не очень была удобная ситуация... Мы сменами сидели с ребенком... Я никогда не была в декретном вообще. Я родила двоих детей в университете, двоих детей родила в аспирантуре;

Мы договорились, что в крайнем случае предел есть на шестерых [детях]. Я думаю, что мой предел достигнут, не в силу того что там здоровье или что. Мне трудно сталкиваться со снижением своих запросов, что ли. Вот то, насколько я вывожу все, мне важно и куда-то поехать, и карьеру мне важно построить. То есть вот сейчас оптимальное время, чтобы с минимальными потерями завершить, потому что у меня заканчивается аспирантура. Я все равно буду менять работу (интервью 4, четверо детей).

Другими словами, речь идет о том, чтобы в дальнейшем прибегать к контролю деторождения, однако далее в ходе интервью респондентка все равно отмечает, что «наверное, я бы могла родить еще больше детей».

Несколько респондентов говорили о том, что когда-то у них были установки на определенное число детей, но в течение жизни они меняли их. Среди причин изменений было желание супруга(и) иметь больше детей, нежелание использовать контрацепцию, изменение жизненных обстоятельств, а также само вовлечение в жизнь церковной общины и многодетный социум.

Я боялся заводить детей. У меня был какой-то страх, как растить, что случится, болезни, деньги. Но с рождением первого благодаря [супруге] я понял, что ничего сложного. Ну ребенок, ну да, тре-

бует каких-то усилий и внимания, но не таких, как я предполагал. И потом второй, вроде тоже ничего, третий. И вы знаете — нет, ну еще знаете, что, конечно, сыграло роль тоже немаловажную? У нас [параллельно] с рождением каждого ребенка увеличивался доход... Даже не доход, а наш жизненный уровень (интервью 8).

Репродуктивные установки верующих выглядят более устойчивыми, чем в среднем по населению. Массовые лонгитюдные социологические опросы показывают, что и репродуктивные намерения, и желаемое число детей подвержены значительным колебаниям²⁵. Однако представляется, что установка иметь столько детей «сколько Бог пошлет» не может быть изменена сама по себе, а только при отказе от самого мировоззрения верующего человека.

Наконец, отметим, что респондентами соблюдаются и другие нормативные предписания церкви в отношении семьи и брака:

У меня было четкое определение, что муж должен быть и на всю жизнь. И что до брака никаких отношений, я имею в виду, интимного плана, не должно быть (интервью 10);

Ну поскольку до брака спать у нас не разрешается, обычно все знакомства очень быстрые и быстро приходим к свадьбе, да (интервью 2);

Опять же, когда мы говорим о венчании, там есть такие слова о венчании: «Что Бог соединит, того человеку не разъединить». Это дает нам веру и силу по сохранению семьи, даже в тех случаях, когда от нас не все зависит (интервью 9).

Установки в отношении вступления в брак и его расторжения также влияют на репродуктивное поведение верующих.

Таким образом, современные старообрядцы в значительной степени следуют религиозным предписаниям в отношении репродуктивного поведения. Несомненно, качественное исследование не позволяет оценить, в какой мере это распространено в среднем по сообществу, однако сам факт мы зафиксировать

25. Макаренцева А. О., Галиева Н. И., Rogozin Д. М. (Не) желание иметь детей в зеркале опросов населения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 492–515.

можем. Это значимо отличает репродуктивное поведение опрошенных старообрядцев от российского городского «мейнстрима» с высоким контролем рождаемости, откладыванием рождения первого ребенка, лояльностью к бездетности. Однако, как будет показано ниже, общие для всего населения факторы рождаемости (материальное положение, наличие помощи по уходу, карьера и самореализация женщины) имеют значение и в семьях старообрядцев, однако начинают играть роль только для рождений детей высоких порядков.

2. Деторождение как атрибут религиозного сознания

Формулируя свои репродуктивные установки, респонденты почти не делали отсылок непосредственно к религиозным предписаниям, они, как правило, вплетали их в экономический или психологический контекст жизни. Тем не менее, деторождение воспринимается ими как неотъемлемая часть духовной жизни христианина, является частью религиозного сознания. В этом смысле можно говорить, что религиозность респондентов буквально и напрямую влияет на их репродуктивное поведение.

[Быть верующим] — это вообще другое сознание. Это сознание не только о физическом существовании, сознание же о душе. И ты понимаешь, что ты рождаешь не только физические тела, но и души. И когда ты это понимаешь, ты понимаешь, что трудности — они не так страшны на самом деле. И что все сложится, если ты будешь верить, если ты будешь что-то делать... тебе обязательно все дастся. Все дети не будут голодными, будут обеспечены, все решится. Когда ты понимаешь, чтобы первую очередь душа, то вопросы не встают, рожать или не рожать. Идет только рожать. Конечно, вера влияет (интервью 2).

У религиозного человека, который уверен, что есть Бог, высшее начало... у него уже какая-то направленность на деторождение, на продление рода. И знаете, такая установка, что не я все решаю. Я что-то могу желать или не желать, но там направить. Человек предполагает, а Бог располагает (интервью 7).

В ходе интервью многократно всплывала тема конечности земной жизни, а рождение детей преподносилось как результат этой жизни, имеющий духовное значение.

Жизнь у нас одна, но, что мы приобретем живя, и какое мы себе будущее, в духовном плане, какое себе будущее намолим, наживем, то и мы получим впоследствии (интервью 10).

И переход, конечно, в старообрядчество тоже стимулировал [иметь много детей]... у меня все изменилось, я понял, что ничего после меня, кроме детей, не останется. Только наследники, только наследники и их наследники, не деньги (интервью 8).

Рождаются-умирают, рождаются-умирают. Вот сейчас люди стремятся, вот я должен быть такой-то. Но, по большому счету, хоть какой-то ты ни будь, в один прекрасный день ты умираешь. Ну хорошо, если тебя будет кому вспомнить... А понимаешь, что у меня периодически кризис тоже случается, вот, ни работы, и вся такая никакая, и все это. А мне мама тут говорит, [дочь], ты четырех девок свету подарила (интервью 6).

Другими словами, фокус внимания выносится за пределы земного существования, в противопоставление стремлению жить «в комфорте, в достатке». Подобное мировоззрение нивелирует социально-экономические факторы откладывания рождения детей и соотношения сроков рождения с другими событиями жизненного пути.

Что такое наша жизнь? Она же мимолетна. И мы че-то откладываем там [рождение детей]. Вот сначала карьера, потом это, и потом раз, и жизнь-то она вот... за 50 перевалило чуть-чуть. И уже как-то такой момент, как бы уже горизонт виден. А вот в 50 лет осталось тебе, ну 20 в лучшем случае, ну 25. Ну вот у меня сыну 24 будет, то есть это практически жизнь моего старшего сына... вот это время мне осталось на этой Земле. И поэтому тут че-то все откладывать. Какую-то карьеру, кто знает, будет эта карьера, не будет, сложится — не сложится (священнослужитель 2).

3. Социализация в религиозной общине

Наконец, последняя группа факторов рождаемости, непосредственно связанная с религиозностью, — это социализация в церковной общине. Во-первых, взросление в религиозном, многодетном социуме само по себе может выступать фактором увеличения числа детей в собственной семье. Во-вторых, и в нашей серии ин-

тервью это проявилось ярче, вхождение новопришедших старообрядцев в жизнь общины приводит к изменению их представлений о нормах размера семьи.

«Глядя на других, там же много прихожан в церкви многодетных, не то что много, они как бы есть, на службе они есть. Я раньше как бы не знала... Дети есть на службах», — супруга; «Рогожка²⁶ вот в этом плане повлияла. Приходят родители, высыпают своих детей, там по четверо-пятеро. Стоишь, ну как-то чувствуешь себя ушибленным, там двое-трое», — супруг (интервью 8).

В плане среды, с которой мы общаемся, это второй момент, он тоже очень положительно влияет. Вы приходите в церковь, да, каждое воскресенье. У каждой семьи, у наших ровесников у всех по четверо детей, стандартно, серединка. Я знаю, будь у меня двое, я бы ощущала себя аутсайдером каким-то (интервью 7).

Факторы рождаемости в семьях старообрядцев, не связанные с религиозностью

Современное старообрядчество не изолировано от внешнего мира, многие его представители живут в крупных городах и глубоко вовлечены во взаимодействие со светским обществом. Это неизбежно влияет на самые разные стороны их жизни.

Все, конечно, меняется, жизнь-то — она меняется все равно. Как бы мы себя ни закрывали. Резервации, не резервации, влияние мира-то оно, гаджеты там, все это стало более доступно (интервью со священнослужителем 2).

Сегодняшнее старообрядчество практически ничем не отличается от обычных людей. Все те же самые проблемы. Тенденции современного общества — они на нас давят. В городе они на нас давят сильнее. Потому что, выйдя из церкви, мы закрываемся в своих квартирках, окруженными современным обществом. И живем вот в этом социуме. А не в церковном (интервью со священнослужителем 1).

26. Службы в Покровском соборе Рогожской слободы в г. Москве.

Старообрядцы сталкиваются с теми же задачами и трудностями современного родительства, как и нерелигиозные мужчины и женщины. Поэтому даже наиболее консервативные респонденты в ходе интервью затрагивали такие темы, как самореализация женщины, баланс родительства и занятости вне дома, распределение обязанностей по воспитанию детей. Для одних эти факторы влияют на рождение детей высоких порядков, для других — не влияют, но имеют значение как вопросы, связанные с получением удовлетворения от жизни.

Почти во всех попавших в исследование старообрядческих семьях обязанности по уходу и воспитанию детей распределены между супругами эгалитарно. Это значимо отличает их от той консервативной модели, в которой «домашний очаг» и присмотр за детьми отнесен к уделу женщины.

Вот он [супруг] спал с двумя старшими, а я с маленьким. А старшим сколько им было, одному год и месяц, второму два и два, когда я третьего родила. Он им бутылки ночью делал и еще кормил. Одного от бутылки отучал, второму давал кушать, там сказки читал (интервью 11).

Респондентки признавали, что вовлечение супруга в воспитание детей и, шире, его отношение к рождению (еще) детей, согласие супругов в этом вопросе является одним из наиболее значимых факторов расширения семьи.

Количество детей связано только с моим выбором мужа. То есть, если бы я столкнулась с менее ответственным человеком, я бы не стала больше одного ребенка от него рожать. Если бы он просто не был вовлечен, и это бы было свалено на меня условно, я бы не стала этого вывозить, скорее всего. Но если бы муж не хотел, если он был бы против или просто не был готов морально, я бы тоже не стала больше детей рожать (интервью 4).

В семьях современных старообрядцев женщина может не иметь постоянной профессиональной занятости, однако довольно часто у нее есть приносящее доход занятие, например, традиционное рукоделие, шитье и тому подобное. Респондентки говорят о том, что эта деятельность позволяет им реализовывать себя вне дома и повышает их удовлетворение жизнью, снижает риски материнского выгорания.

Да, и я до самых родов практически работала. И после родов довольно-таки быстро выходила. Не ради даже денег, а вот чтобы просто отвлечься, расслаблялась. Пообщаешься с клиентами и домой с удовольствием идешь (интервью 8).

Ради семьи я иду на работу. Чтобы муж меня видел иногда в костюме и на каблуках, и причесанной. А не весь день там в ночной рубашке. Я очень люблю свою работу... Я бы не смогла бы выйти на полный рабочий день, куда-нибудь на производство, да. График не то, чтобы плавающий, по крайней мере, я там могла на 0,25 ставки выйти... Но и муж, конечно, поддерживал (интервью 7).

В семьях старообрядцев, как правило, вопросы занятости женщины согласуются с супругом, значительную роль играет поддержка с его стороны в том, чтобы такую занятость иметь. Такой порядок может выступать примером адаптации консервативной модели семьи с мужем-главой к современным реалиям, в которых женщина видит много возможностей для самореализации и испытывает потребность в них. Можно предположить, что подобная гибкость и адаптация нормативных предписаний к современности является одним из факторов «успеха».

У нас четверо детей, и я являюсь инициатором того, что периодически предлагаю жене подумать, что бы ей было интересно, чем бы она хотела заняться. Это даже не в плане денежном. В плане — человеку надо отвлекаться, чем-то заниматься (интервью 9).

Я училась, когда родилась [первая дочь], когда была беременна [вторым ребенком], я поступила в университет, мне это не мешало. Мы очень в этом плане с [супругом] единомышленники, он готов брать на себя детей, а ты учись. Ты учись. То есть, нет, дети нам вообще не мешают. Мне реально с [супругом] повезло в плане понимания и единомыслия, потому что не все так понимают... что женщине это нужно. Непонятно, «родила и че ты еще хочешь?». А он нет, он всегда: «Хочешь учиться? Давай, ну и что, что у тебя дети». Нет, это вообще не мешало. Получала образование, он сидел [с детьми] (интервью 2).

Муж мне сразу поставил такое, что мы два свободных человека. Если, например, в [родительской] семье у нас было строго... Муж —

это глава, ты подчиняйся. У меня муж такой лояльный, он говорит, мы два свободных человека, просто мы живем вместе, мы создали свой островок. Но мы не должны ущемлять друг друга в желании развиваться... сейчас он меня поддерживает в стремлении идти дальше, изучать что-то новое, развиваться в другой иной профессии. И я ему благодарна, что он меня во всем поддерживает (интервью 10).

В целом эгалитарное распределение ролей в семье и возможность для женщины реализовываться вне дома и иметь доход — ключевые неэкономические факторы современной рождаемости. Они же оказываются значимыми и в семьях старообрядцев, более того, попавшие в исследование семьи с несколькими детьми оказываются весьма успешными в реализации такой модели семьи.

Заключение

Анализ глубинных интервью российских старообрядцев, проживающих в городах, представил свидетельства сохранения элементов традиционного брачного и репродуктивного поведения. В исследуемой группе в значительной степени сохраняется следование религиозным практикам и предписаниям. В контексте брачно-репродуктивного поведения это, прежде всего, означает отсутствие или низкий уровень контроля над рождаемостью. Это формирует близкий к традиционному жизненный путь — тесную календарную связь вступления в брак и рождения первенца, отсутствие календарной связи между социально-экономическими событиями жизни женщины (получение образования, переходы на рынке труда и так далее), — однако с тем отличием, что стартовое матримониальное событие не обязательно происходит в раннем возрасте. При такой модели откладывание деторождения в жизни женщины возможно, но только до формирования брачного союза. Репродуктивные установки в исследуемой группе более устойчивы, чем в среднем по населению.

Религиозность влияет на репродуктивное поведение как непосредственно (через соблюдение предписаний в отношении контроля рождаемости, через ценностно-мировоззренческую подоплеку), так и опосредованно, например через вовлечение в многодетный социум.

Как отмечалось в начале статьи, уровень религиозности в той или иной социальной группе может оставаться достаточно высоким даже в условиях ее включения в модернизированное общество, но процесс «внутренней секуляризации» неизбежен. Вероятно, это преобразование религиозности — при котором возникает «пространство для индивидуума» — адаптирует и ее влияние на социальное поведение. В частности, значительно трансформируется консервативная модель семьи с жестким закреплением ролей за супругами. Эгалитарное распределение обязанностей по уходу за детьми и воспитанию может считаться одним из факторов успешной реализации современной многодетной модели семьи.

Безусловно, исследуемая религиозно-социальная группа крайне малочисленна в масштабах населения России. Автор полагает, что описанную модель брачно-репродуктивного поведения можно встретить и в других группах, однако все же не говорит о сколько-нибудь значимом ее распространении. Тем не менее, эта модель представляется довольно устойчивой — за счет сохранения ключевого фактора ее существования, религиозности. Это вписывается в рамку постпереходной рождаемости, которая допускает сосуществование разных репродуктивных моделей.

Приложение 1. Вступительное слово для рекрутмента респондентов-прихожан РПСЦ

Доброго здоровья! Приглашаем принять участие в исследовании. Оно посвящено формированию семей у верующих людей, многодетности, проблемам рождаемости в современной России. В фокусе нашего интереса — семьи старообрядцев, проживающие в крупных городах. Интервью проводится для научного исследования РАНХиГС (Рос. Академия народного хозяйства и гос. службы при президенте РФ).

Все интервью будут обрабатываться анонимно, цитаты будут использоваться для публикации в научной статье и внутренних отчетах института. Если на какие-то вопросы вам не захочется отвечать, вы можете этого не делать.

В интервью будет биографическая часть — немного о родительской семье, о том, как создавалась ваша семья; потом поговорим в целом о ценности семьи, рождения и воспитания детей, о месте семьи в жизни современного верующего человека.

Приложение 2. Схема интервью

1. Биографическая часть

Фактологические вопросы о семье. Вопросы о родительской семье, окружении в детском возрасте, религиозной социализации в детстве и юности.

Ретроспективные вопросы об установках в отношении будущей семьи в юности.

Фактологические вопросы о создании собственной семьи. Вопросы о процессе принятия решений в отношении рождения первого и последующих детей, сроках их появления. Репродуктивные планы семьи.

Вопросы об образе жизни семьи, распределении обязанностей и наличии помощи по уходу и воспитанию детей.

2. Ценностная часть

Вопросы о том, как респондент формулирует свои семейные ценности. Вопросы об индивидуальной религиозности и ее влиянии на формирование семьи респондента. Вопросы о представлениях респондента о положении семей в России.

Библиография / References

Вишневецкий А.Г. Это ключ от другого замка // *Общественные науки и современность.* 2005. № 2. С. 150–155.

Вишневецкий А.Г. Незавершенная демографическая модернизация в России // *Журнал SPERO.* 2009. № 10. С. 55–82.

Забавев И.В. и др. Семья и деторождение в России: категории родительского сознания. М.: ПСТГУ, 2012.

Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое изд-во, 2011.

Карпов В. Концептуальные основы теории десекуляризации // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом.* 2012. № 2(30). С.114–164.

Кожурин К. Культура русского старообрядчества XVII–XX вв. Издание третье, дополненное. Litres, 2017.

Макаренцева А.О., Галиева Н.И., Rogozin Д.М. (Не) желание иметь детей в зеркале опросов населения // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* 2021. № 4. С. 492–515.

Павлюткин И.В., Голева М.А. Как создаются семьи с большим числом детей: типы жизненных переходов родителей // *Социологические исследования.* 2020. Т. 7. № 7. С. 106–117.

Руткевич Е.Д. Западная социология о религии в современном мире // *Социология религии в обществе Позднего Модерна: сборник статей по материалам Пятой Юбилейной Международной научной конференции.* НИУ «БелГУ», 25–26 сентября 2015 г. / отв. ред. С.Д. Лебедев. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2015. С. 110–116.

- Синявская О. В., Тьндик А. О., Головляница Е. Б. В каких семьях рождаются дети? Факторы репродуктивного поведения в России // *Семья в центре социально-демографической политики* / Под ред. О. В. Синявской. М.: НИСП. 2009. С. 19–46.
- Узланер Д. А. Становление неоклассической модели секуляризации в западной социологии религии второй половины XX в. // *Религиоведение*. 2008. № 2(30). С. 135–149.
- Урушев Д. А. Наследники Аввакума // *Мир музея*. 2020. № 11. С. 42–43.
- Чеснокова В. Ф. Воцерковленность. Феномен и способы его изучения // *Десять лет социологических наблюдений*. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. С. 112–145.
- Balbo, N., Billari, F. C., Mills, M. (2013) “Fertility in Advanced Societies: A Review Of Research”, *European Journal of Population* 29(1): 1–38.
- Caldwell, J. C. (1976) “Toward a Restatement of Demographic Transition Theory”, *Population and Development Review* 2(3/4): 321–366.
- Chesnokova, V. F. (2000) *Votserkovlennost'. Fenomen i sposoby ego izucheniia* [“Participation in the life of the church: The phenomenon and ways of studying it”], pp. 112–145. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”, 2003.
- Compton, P. A. (1976) “Religious affiliation and demographic variability in Northern Ireland”, *Transactions of the Institute of British Geographers, New Series* 1: 433–452.
- Glock, C. Y. (1962) “On the Study of Religious Commitment”, *Religious Education Research Supplement* 42: 98–110.
- Goldscheider, C. (1971) *Population, Modernization, and Social Structure*. Boston: Little, Brown and Company.
- Inglekhardt, R., Vel'tsel', K. (2011) *Modernizatsiia, kul'turnye izmeneniia i demokratiia* [Modernization, cultural change and democracy]. М.: Novoe izd-vo.
- Karpov, V. (2012) “Kontseptual'nye osnovy teorii desekuliarizatsii” [Conceptual foundations of the theory of desecularization], *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 2(30): 114–164.
- Kozhurin, K. (2017) *Kultura russkogo staroobriadchestva XVII–XX vv.* [Culture of Old-rite Russian orthodoxy XVII–XX century]. Litres.
- Lesthaeghe, R. (2010) “The Unfolding Story of the Second Demographic Transition”, *Population Research and Policy Review* 3(44): 232–261.
- Makarentseva, A. O., Galieva, N. I., Rogozin, D. M. (2021) (Ne) zhelanie imet' detei v zerkale oprosov naseleniia” [Desire (not) to have children in the population surveys], *Monitoring Obshchestvennogo Mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* 4: 492–515.
- Marks, L. (2006) “Religion and Family Relational Health: An Overview and Conceptual Model”, *Journal of Religion and Health* 45: 603–618.
- McQuillan, K. (1999) *Culture, Religion and Demographic Behavior: Catholics and Lutherans in Alsace, 1750–1870*, Montreal and Kingston: McGill-Queen's University Press.
- Pavliutkin, I. V., Goleva, M. A. (2020) “Kak sozdaiutsia sem'i s bol'shim chislom detei: tipy zhiznennykh perekhodov roditel'ei” [How to create families with a large number of children: types of life transitions of parents], *Sotsiologicheskie issledovaniia* 7(7): 106–117.
- Rutkevich, E. D. (2015) “Zapadnaia sotsiologiia o religii v sovremennom mire” [Western sociology about religion in the modern world], in S. D. Lebedev (ed.) *Sbornik statei*

- po materialam Piatoi Iubileinoi Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. NIU «BelGU», 25–26 sentiabria 2015 g., pp. 110–116. Belgorod: ID “Belgorod” NIU “BelGU”.
- Siniavskaia, O. V., Tyndik, A. O., Golovlianitsina, E. B. (2009) “V kakikh sem’iakh rozhdaiutsia deti? Faktory reproduktivnogo povedeniia v Rossii” [In what families are children born? Factors of reproductive behavior in Russia], in O. V. Siniavskaia (ed.) *Sem’ia v tsentre sotsial’no-demograficheskoi politiki?*, pp. 19–46. M.: NISP.
- Urushev, D. A. (2020) “Nasledniki Avvakuma” [Successors of Avvakum], *Mir muzeia* 11: 42–43.
- Uzlaner, D. A. (2008) “Stanovlenie neklassicheskoi modeli sekularizatsii v zapadnoi sotsiologii religii vtoroi poloviny XX v.” [The formation of the neoclassical model of secularization in the Western sociology of religion of the second half of the 20th century], *Religiovedenie* 2: 135–149.
- Vishnevskii, A. G. (2005) “Eto kliuch ot drugogo zamka” [This is the key to another lock], *Obshchestvennye nauki i sovremennost’* 2: 150–155.
- Vishnevskii, A. G. (2009) “Nezavershennaia demograficheskaiia modernizatsiia v Rossii” [Incomplete demographic modernization in Russia], *Zhurnal SPERO* 10: 55–82.
- Zabaev, I. V., et al. (2013) *Sem’ia i detorozhdenie v Rossii: kategorii roditel’skogo soznaniia* [Family and childbearing, in Russia: categories of parental consciousness]. M.: PSTGU.